
Н. И. ГУБАНОВ, В. Н. СОГРИНА

ЕЩЁ РАЗ ОБ ИДЕАЛЬНОМ, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В связи с выходом в свет книги Д. И. Дубровского “Проблема идеального. Субъективная реальность”. М., 2002.

Первое издание указанной книги Д. И. Дубровского, посвящённой разработке всех основных аспектов проблемы идеального, было осуществлено в 1983 г. В журнале “Вопросы психологии” (1984. № 4. С. 160) отмечалось, что “выход в свет первого в советской литературе монографического исследования этой сложной и важной проблемы является знаменательным научным событием”.

За истекшее время актуальность проблемы идеального возросла. В первую очередь это связано с тем, что человечество вступило в новый этап цивилизации – эпоху информационного общества. Базовой формой информации в обществе выступает информация нейродинамических кодов, т. е. субъективная реальность, дух человека. В последующем эта информация включается в разнообразные контуры системы общественной коммуникации, в том числе в электронные СМИ. Компьютерная информация, значение которой для жизни общества неуклонно возрастает и которую обычно именуют виртуальной реальностью, тоже имеет свой источник в идеальном, или субъективной реальности. Проблема идеального в наше время выражает и формулирует ключевые вопросы самопознания, раскрывает стратегический, судьбоносный смысл задачи самопознания для нынешнего этапа развития земной цивилизации.

Однако в силу различных причин, в том числе конъюнктурно-идеологического характера, за последние два десятилетия в философской литературе по данной проблематике не наблюдалось значительных концептуальных новаций. Так, например, несмотря на то, что Д. И. Дубровский в первом издании рецензируемой книги и в своей предыдущей работе “Информация, сознание, мозг”

(М., 1980) раскрыл специфику идеального как субъективной реальности и существенные составляющие её структуры, В. А. Кутырёв в 1994 г. в статье “О континууме реальности (реальное и идеальное в условиях становления ноосферы)” противопоставлял идеальное не материальному, а реальному и негативно отнёсся к использованию категории “субъективная реальность” для характеристики идеального (Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1994. № 5. С. 28–30).

В. С. Егоров, выдвинувший плюралистическую концепцию бытия и полагающий, что одной из субстанций мира служит объективное идеальное (но не мировое сознание или Бог), отмечал, что “сегодня мы можем воспринимать объективное идеальное лишь собирательно и обобщённо. На мегауровне – это исходная упорядоченность наряду с хаосом, это природные размерности и выражающие их мировые константы, точная согласованность которых обеспечивает беспредельное миропроявление... На микроуровне – тайна фазовых переходов как превращений неживого в живое, живое в разумное и т. д.” (В. С. Егоров. Философия открытого мира. М. – Воронеж, 2002. С. 84). Приведённые положения В. С. Егорова вызывают у нас два возражения.

Во-первых, то, что В. С. Егоров называет идеальным, таковым не является. И современные материалисты, и идеалисты, и авторы, считающие себя сейчас поднявшимися над этими философскими направлениями, сходятся в том, что идеальное – особая реальность, бесплотная и бестелесная, *не обладающая физическими свойствами*. У В. С. Егорова же, наоборот, сами физические характеристики мира объявляются идеальными. Конечно, каждый автор сам волен выбирать терминологию своих работ, но при этом он как-то должен считаться с устоявшимся словоупотреблением и не называть, скажем, женщину, родившую ребёнка, отцом.

Во-вторых, “идеальное” В. С. Егорова представляет собой такие реальности, которые самостоятельно, без материи, не существуют и, следовательно, субстанцией не являются. Заметим, что сущность субстанции состоит в самостоятельности существования. Упорядоченность в мире, о которой говорит В. С. Егоров, – это наличие законов бытия, а законы – это существенные связи параметров, имеющие свои основания в определённых свойствах объектов. Вне

объектов законы не существуют. Например, гравитационные свойства тел обуславливают их силовую связь, которая именуется законом всемирного тяготения: $F = \gamma M_1 M_2 / r^2$; сила притяжения между телами прямо пропорциональна их массам и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. А электрические свойства тел обуславливают закон Кулона: $F = e q_1 q_2 / r^2$; сила электрического взаимодействия прямо пропорциональна величинам зарядов тел и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними. Ни первый, ни второй закон, естественно, вне материальных тел не существует.

Мировые константы, относимые В. С. Егоровым к идеальному, – это характеристики материальных взаимодействий и материальных объектов и тоже вне материи не существуют. Например, гравитационная постоянная γ в законе всемирного тяготения характеризует силы притяжения тел и, естественно, вне этих тел не существует. Другие константы, например, скорость света, заряд электрона, заряд протона, масса нейтрона, тоже вне соответствующих материальных объектов не существуют, что ясно уже из самого названия этих констант. Таким образом, “идеальное” В. С. Егорова – это то, что можно было бы назвать пропритативной реальностью (от лат. *propritas* – свойство). Такая реальность в отличие от субстанциальной не существует самостоятельно, а представляет собой свойства, связи и отношения субстанции. К этой реальности можно отнести пространство, время, движение, структурность, способность к самоорганизации, отражение, многообразные законы и свойства субстанции. Идеальное как информацию мозговых нейродинамических кодов тоже, по нашему мнению, можно считать одним из видов пропритативной реальности – психической пропритативной реальностью. Но не всякая пропритативная реальность, естественно, относится к идеальному. Сказанное не позволяет считать концепцию В. С. Егорова об объективном существовании идеального и его субстанциальном характере обоснованной.

П. В. Алексеев и А. В. Панин предприняли попытку синтеза концепции Д. И. Дубровского (идеальное – субъективная реальность) с известной концепцией Э. В. Ильенкова (идеальное – форма деятельности, существующая объективно, вне сознания людей). Они отмечали, что *“идеальное – это гносеологические образы (об-*

разы будущих предметов или ситуаций, программы, модели) и высшие ценности бытия человека (добро, правда, справедливость, красота и т. п.), которые подлежат реализации в деятельности человека” (П. В. Алексеев, А. В. Панин. Философия. Изд. 2-е. М., 1997. С. 187). Согласно этим авторам, “мы должны ассоциировать идеальное не с любым... психическим и не со всяким субъективным образом, а только с таким, который оказывается соотносённым с будущим результатом его деятельности” (Там же. С. 183).

“Синтетическая философско-конструктивистская концепция идеального” П. В. Алексеева и А. В. Панина, как они её назвали (Там же. С. 185), представляется логически неудовлетворительной по двум причинам. Во-первых, она допускает непосредственное превращение материального в идеальное, и наоборот. К примеру, у нас возникло наглядное представление о строении атома, и мы не соотносим его ни с какой деятельностью. Это представление, согласно П. В. Алексееву и А. В. Панину, не идеально, а, значит, материально. Если же мы решили на основе данного представления создать макет атома, то это представление тут же должно стать идеальным. А если мы вдруг решили этот макет не создавать, то представление снова должно стать материальным.

Идеальное не обладает физическими характеристиками, а материальное ими обладает. Превращения материальных объектов осуществляются с соблюдением законов сохранения релятивистской массы, энергии, заряда, импульса, спина и др. Поэтому невозможно превращение ни материального объекта в объект без физических свойств, ни идеального объекта в материальный. Идеальное как информационное содержание нейродинамических кодов может лишь управлять действиями человека и тем самым влиять на материальные процессы, формировать из материальных объектов разные структуры. В этом суть опредмечивания идеального в разнообразных предметах культуры.

Во-вторых, если признать, что не все субъективные образы идеальны, то следует заключить, что часть сознания идеальна, а часть – материальна, поскольку противоположностью идеального служит материальное. Но П. В. Алексеев и А. В. Панин твёрдо и без всяких оговорок утверждали: “Идеальное – характерная черта,

главнейший признак сознания...” (Там же. С. 172). Последнее положение, несомненно, является истинным, и оно относится ко всему сознанию.

Ещё одну попытку синтеза, теперь уже трёх концепций – Д. И. Дубровского, Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица – предприняли К. Любутин и Д. Пивоваров. Они утверждали, что в их концепции, которую они назвали “синтетической теорией идеального”, взгляды указанных трёх лиц, будучи трансформированными, “перестают логически исключать друг друга как аспекты единой теоретической системы” (К. Любутин, Д. Пивоваров. Синтетическая теория идеального. Екатеринбург–Псков, 2000. С. 69). Согласно этим авторам, “идеальное есть не просто либо субъективная реальность, либо схема практики, либо объектный эталон, но представляет собой системное свойство всего отношения субъекта и объекта” (Там же. С. 62–63).

Однако ясного описания этого системного свойства К. Любутин и Д. Пивоваров не дали. Они давали идеальному различные характеристики, среди которых превалировали определения идеального как внутренней стороны взаимодействия субъекта и объекта (Там же. С. 66), как единства “материального и нематериального полюсов” (Там же. С. 70), как сверхчувственного и нематериального (Там же. С. 71–72), как взаимного отражения субъекта и объекта (Там же. С. 76). Однако в книге К. Любутина и Д. Пивоварова отсутствовало специальное рассмотрение и чёткое определение понятия “материальное”, неясно поэтому было и содержание понятия “нематериальное”, а потому и категория “идеальное” не была эксплицирована. Непонятно также было, какой “полюс материального” содержит в себе идеальное. В связи со сказанным концепцию данных авторов нельзя признать обоснованной.

Наряду с отмеченной синтетической тенденцией в отечественной литературе проявилась и нигилистическая тенденция в отношении проблемы идеального. Так, В. А. Канке в книге “Философия” с претенциозным предзаголовком “Учебник для XXI века” (изд. 4-е. М., 2001. С. 156) писал, что “представление об идеальном несёт на себе груз устаревших философских представлений... там, где ставится под сомнение понятие идеального, та же участь постигает и понятие материального... неправомерно утверждать реальность

материи. Существуют физическая, химическая, биологическая, но не материальная реальность”. Создаётся впечатление, что В. А. Канке игнорирует диалектику единичного и общего, а дискуссия между номиналистами и реалистами прошла впустую. Ограниченный объём статьи не позволяет нам дать развёрнутую критику позиции В. А. Канке. Остаётся выразить сожаление, что такое отношение к более чем двухтысячелетней философской традиции исследования идеального выражено в учебной литературе и способно дезориентировать студентов.

Произведённый обзор позволяет заключить, что до настоящего времени из всех концепций идеального наиболее соответствующей многовековой философской традиции, логически последовательной и использующей опыт частных наук XX века служит концепция Д. И. Дубровского. В его рецензируемой книге, помимо текста первого издания, содержатся четыре новые главы, посвящённые главным образом конкретным формам субъективной реальности и их взаимодействию с другими типами информационной реальности.

Содержание категории идеального раскрывается Д. И. Дубровским путём её противопоставления категории материального (которую автор справедливо считает совпадающей с категорией материи). Если материальное есть объективная реальность, то идеальное не может быть не чем иным, как субъективной реальностью. Определение идеального в качестве субъективной реальности, – делает вывод автор, – является исходным и должно сохранять своё значение во всех контекстах, где употребляется данная категория. В противном случае она утрачивает смысл. Попытки представить идеальное как материальное, пусть даже в каком-либо аспекте или отношении, нередко сопряжённые, кстати, с несоблюдением элементарных логических норм, вполне правомерно квалифицируются Д. И. Дубровским как необоснованные.

Автор подвергает подробному рассмотрению концепцию, в которой отрицается связь идеального с индивидуальной психикой и мозгом, а оно предстаёт как синоним всеобщих и необходимых форм деятельности, воплощённых в социальной предметности и существующих объективно. Отмечая рациональные моменты этой концепции, Д. И. Дубровский показывает, что в своей главной установке она не обоснована: её представители принимают за иде-

альное то, что служит лишь материальными посредниками (разнообразными внешними кодами, представленными предметами культуры), с помощью которых содержание идеальных образов (знание) одних людей опредмечивается и становится содержанием сознания других людей, а тем самым и общественным достоянием. В то же время автор полагает, что понятие “объективное” (нетождественное категории “объективная реальность”) может характеризовать идеальное в следующих смыслах: 1) как объективное существование сознаний других людей по отношению к сознанию данного человека; 2) как объективное (адекватное) содержание субъективной реальности, знания; 3) как объективированность идеального в своём коде (мозговой нейродинамике) и его определенность в результатах деятельности субъекта.

Д. И. Дубровский, критикуя крайний антипсихологизм в понимании идеального, справедливо возражает против ограничения идеального только абстрактно-логическим и понятийно-всеобщим. К нему он относит все субъективные образы, состояния и переживания, в том числе чувственные, эмоциональные, целеполагающие, ценностные и волевые компоненты психики. Вместе с тем автор полагает, что объём понятия “психическое” больше объёма понятия “идеальное”. Категория идеального не может быть непосредственно отнесена к действиям, характеру, темпераменту личности, входящим в объём понятия психического.

Интересно обсуждение Д. И. Дубровским сложного вопроса о соотношении субъективной реальности и речи. Его точка зрения основана на отрицании принципиальной невербализуемости знания и признании существования в каждый данный момент невербализованного (но сознаваемого) знания, которое в следующие моменты может быть вербализовано. Содержание непосредственно данного знания поэтому представляет собой двумерную динамическую структуру: невербализованное становится вербализованным, открывая всё новые пласты невербализованного. Опираясь на факт, который можно назвать “муками слова”, автор делает вывод, что оригинальная мысль зарождается во внесловесной форме. Родившись, мысль затем управляет процессом речеобразования, определяя адекватный выбор слов.

Наименее разработанными в философско-антропологической проблематике являются вопросы, связанные с объяснением существования и развития субъективной реальности как внутреннего мира личности. Несомненной заслугой Д. И. Дубровского является то, что в специальной главе он впервые намечает ряд общих и существенных характеристик структуры субъективной реальности. Целостность субъективной реальности трактуется им как её персональность, под которой понимается интегрированность внутреннего многообразия субъективной реальности данным уникальным “Я”, находящимся в единстве со своим содержательным оперативным полем. Характеристиками структуры субъективной реальности служат *динамичность, многомерность, биполярность, самоорганизованность*. Базисной составляющей этой структуры выступает *единство противоположных модальностей – “Я” и “НЕ-Я”*, образующих динамический биполярный контур, в котором совершается движение содержания субъективной реальности. Это движение есть одновременно отражение объекта, ценностное отношение к нему и управление самим этим процессом.

Важным компонентом структуры субъективной реальности является *единство рефлексивного*, выражающего акт самоотображения и направленной активности “Я”, и *арефлексивного*, выполняющего информативно-ценностную или побудительно-управляющую функцию. Наконец, структурная определённость субъективной реальности органически связана с единством и взаимодействием *актуального и диспозиционного*: актуальное непрестанно “уходит” в диспозициональное и “строит” его; диспозициональное непрерывно “выходит” в актуальное и формирует его.

Значительный интерес представляет анализ Д. И. Дубровским различных недостаточно осмысленных в философском плане клинических вариантов деструкции субъективной реальности и изменённых состояний сознания, при которых особенно явственно выступают те или иные составляющие структуры субъективной реальности, которые в обычном состоянии слиты и потому трудно различимы. В силу последнего анализ патопсихических явлений исключительно важен (а может быть, и незаменим) для понимания структуры и функций субъективной реальности. Этот анализ актуален во многих отношениях, в том числе он необходим для эф-

фактивной критики усилившихся сейчас паранаучных тенденций в объяснении явлений сознания и психики.

Уже более тридцати лет Д. И. Дубровский развивает информационный подход к проблеме “сознание и мозг”. И хотя этот подход, преодолевающий ограниченность западных физикалистских концепций так называемого научного материализма, обладает, на наш взгляд, большими эвристическими возможностями, значительно более высокими, чем у зарубежных учений, в отечественной литературе встречаются ещё непонимание указанного подхода и необоснованные выпады против него. В данной книге Д. И. Дубровский кратко излагает его как своеобразное аксиоматическое ядро исходных посылок и систему вытекающих из него следствий, в силу чего эта концепция предстаёт особенно доказательной и перспективной для интерпретации категории идеального с помощью общенаучных средств. Не имея возможности детально изложить этот важный и интересный материал, мы ограничимся лишь наиболее существенными положениями. Идеальное, понимаемое как субъективная реальность, есть информация об отражаемых объектах как таковая, информация, функционально извлечённая из своего материального носителя и данная субъекту как бы непосредственно, в “чистом виде”. Прямым субстанциальным носителем (кодом) этой информации выступает определённая самоорганизующаяся мозговая нейродинамическая система.

Обсуждая проблему идеальности общественного сознания, автор отстаивает положение о том, что оно, как и индивидуальное сознание, есть субъективная реальность, но существующая не наряду с индивидуальными сознаниями, а только в них как система определённых социально значимых элементов этих сознаний. По отношению к данному единичному сознанию (но не ко всему их множеству) эта система выступает как надличностное образование; через различные опредмеченные результаты (средства культуры) она формирует индивидуальные сознания (оставляя им, однако, определённую меру свободы) и управляя через это деятельностью индивидов. Вместе с тем единственным источником *новообразования* в сфере общественного сознания служит индивидуальное сознание. Учёт диалектики индивидуального и общественного, личностного и надличностного и критика Д. И. Дубровским фети-

шизации надличностного статуса общественного сознания важны для глубокого понимания сущности духовного производства и человека как творческого существа, а не марионетки истории.

Отдельная глава книги посвящена рассмотрению вопроса о социальной диалектике идеального и материального. Д. И. Дубровский выделяет общие черты всякой деятельности: цель – комплекс действий – результат. Деятельность есть процесс реализации цели как идеального фактора, а реализация цели есть в той или иной форме её материализация в вещах, событиях, процессах, текстах, произведениях искусства. Любая деятельность включает в себя как идеальное, так и материальное: целепологающие факторы её идеальны, а результаты – материальны. Общение, по мысли автора, тоже представляет собой единство материального и идеального. Идеальное есть субъективно-реальная сторона деятельности и общения.

Важным для разработки проблем исторического развития общества представляется выявление Д. И. Дубровским отрицательной методологической роли истолкования идеального как свойства социальной предметности, “готовых” продуктов духовной деятельности. Эта отрицательная роль заключается в невозможности учёта личностного аспекта общественного сознания и социальной деятельности, что может порождать крайний схематизм исторического описания, в котором доминирует голая событийность и не видно роли реальных людей, творящих своей деятельностью историю.

В разделе, посвящённом конкретным формам субъективной реальности, заслуживает внимания анализ автором проблемы соотношения веры и знания. Выделяя онтологический, гносеологический, аксиологический и праксеологический аспекты, Д. И. Дубровский показывает, что вера есть особая реальность, принимаемое личностью содержание знания, ценность, фактор активности. Особенно интересен анализ автором гносеологического аспекта – наиболее трудного из всех аспектов проблемы веры. Важен также подход Д. И. Дубровского к постановке проблемы типологии форм веры.

Разработанный автором информационный подход к пониманию явлений субъективной реальности используется им для анализа проблем здоровья, болезни, самопознания и самоорганизации. Су-

ществующее сейчас гигантское несоответствие между масштабами и результатами познания внешнего мира и масштабами и результатами самопознания человека Д. И. Дубровский назвал *фундаментальной асимметрией в познавательной и преобразовательной деятельности*. Устранение её, – справедливо полагает автор, – важнейшее условие выживания цивилизации.

В заключительном разделе книги автор рассматривает постмодернистские тенденции в культуре и существенные негативные явления в сфере информационной реальности. Свой основательный труд Д. И. Дубровский заканчивает на оптимистической ноте, утверждая, что “и в нашу переломную эпоху творческий дух сохранит силу и достоинство, создаст преграду нарастающему абсурду, найдёт новые пути сохранения целостности и жизнестойкости земной цивилизации, возвышения человечности” (с. 363 рецен. работы).

В качестве замечания хотелось бы отметить, что в книге термин “отчуждение” часто используется как синоним “опредмечивания”, что неточно. Отчуждением является не любой результат деятельности, а лишь тот, который оказывает обратное и негативное воздействие на породившее его явление.

Вызывают логическую неудовлетворённость использованные в книге понятия “материальная деятельность” и “духовная деятельность”. Они представляются неадекватными в связи с тем, что любая деятельность, как показано и самим Д. И. Дубровским, есть единство материального и идеального (“духовное”, кстати, синоним “идеального”). Даже самое чистое мышление или созерцание без всяких внешних проявлений воплощаются в материальном процессе – мозговой нейродинамике. Термины “материальное” и “духовное” применительно к деятельности строго можно использовать лишь для характеристики её материальной и идеальной составляющих. Основные же типы деятельности следовало бы называть практической, заключающейся в преобразовании бытия, и познавательной, состоящей в его отражении.

Д. И. Дубровский раскрывает многие тонкие моменты взаимоотношения веры и знания, но не анализирует то обстоятельство, что вера (как заключение субъекта о существовании чего-либо в условиях недостатка информации) имеет внешний и внутренний ис-

точники: знания об объекте веры и потребность в существовании этого объекта. В зависимости от того, какой из этих источников преобладает, вера бывает разумной и слепой. Например, вера в существование потусторонней жизни не имеет ни единого достоверного эмпирического или теоретического подтверждения и держится тысячелетия исключительно из-за нежелания людей умирать. Деление на разумную и слепую веру не совпадает с делением на истинную и ложную веру. Думается, что учёт нерационального момента веры способствовал бы более глубокому пониманию этого феномена.

Дальнейшее развитие информационного общества в XXI веке, расширение сети Интернет; расшифровка нейродинамических кодов духовных явлений и возможное непосредственное соединение нервных систем людей; создание полноценных искусственных дистанционных органов чувств и искусственного интеллекта; возможное слияние виртуальной компьютерной реальности с субъективной реальностью человека; предполагаемое появление новых видов искусства, основанных на возможном прямом введении информации в мозг и создающих полную иллюзию присутствия и участия в экспонируемом; оперативное общенародное волеизъявление граждан через Интернет по вопросам политики, экономики и культуры; возможность каждому человеку с помощью индивидуального компьютера получать информацию в любой библиотеке и участвовать в любом культурном мероприятии на планете – всё это ещё больше повысит актуальность проблемы идеального. Свой вклад в её разработку внесёт и рецензируемый труд Д. И. Дубровского.